

Научная статья

УДК 94(415)

DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-8-105-117

«А как быть с Пушкиным?», или Неосуществившаяся попытка Бориса Поршнева стать пушкинистом

Сергей Витальевич Кондратьев¹

Тамара Николаевна Кондратьева²

^{1,2} Тюменский государственный университет
Тюмень, Россия

¹ s.v.kondratev@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9861-5032>

² ktamara1960@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5358-1046>

Аннотация

Статья посвящена абсолютно неизвестному эпизоду биографии знаменитого советского историка Бориса Федоровича Поршнева. Выбирая путь в науку, Б. Ф. Поршнев, как выясняется, пытался интерпретировать пушкинское наследие в преддверии столетней годовщины со дня смерти поэта (1937). В процессе исследования рукописного наследия Б. Ф. Поршнева в контексте его биографических перемещений удалось выяснить, что историк проделал серьезную подготовительную работу, у него сложилась композиция будущей публикации. В своей интерпретации он, вероятно, следовал официально продекларированному стереотипному образу. Пушкин современен и близок к социализму. Пушкин народен и интернационален. В творчестве поэта доминируют две темы: народ как создатель и творец истории и революция. По мнению Б. Ф. Поршнева, до поражения восстания декабристов А. С. Пушкин считал возможной революцию в России, а после 1825 г. – безумной идеей.

Ключевые слова

Б. Ф. Поршнев, А. С. Пушкин, пушкинский юбилей 1937 г., образ, народ, революция

Для цитирования

Кондратьев С. В., Кондратьева Т. Н. «А как быть с Пушкиным?», или Неосуществившаяся попытка Бориса Поршнева стать пушкинистом // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 8: История. С. 105–117. DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-8-105-117

“And What about Pushkin?”, or Unfulfilled Attempt of Boris Porshnev to Become a Scholar of Pushkin

Sergey V. Kondratiev¹, Tamara N. Kondratieva²

^{1,2} Tyumen State University
Tyumen, Russian Federation

¹ s.v.kondratev@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9861-5032>

² ktamara1960@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5358-1046>

Abstract

The article elucidates a lesser-known facet of the eminent Soviet historian Boris Fedorovich Porshnev, whose acclaim stemmed from the publication of a study on popular movements in France before the Fronde in 1948. Choosing the

path to science, B. F. Porshnev, as it turns out, tried to interpret Pushkin's legacy on the eve of the centennial anniversary of the poet's death (1937). Upon scrutinizing Boris Porshnev's handwritten records in the context of his life, it was ascertained that the historian had laid the groundwork, amassed copious material, and had clearly intended to pen and publish an extensive treatise on the oeuvre of A.S. Pushkin. He had outlined a prospective publication in eleven overarching principles, which he intended to expound upon. Boris Porshnev was looking for a connection between the artistic side and the socio-political views of the poet. B. F. Porshnev was interested in the "historical foundations" of Pushkin's work and its main themes. It seems that in formulating his 11 theses and answering the question "what about Pushkin?", he followed the already officially declared stereotypical image, the rapidly emerging canon. The authorities envisaged leveraging the cultural capital of yore, and the historian appeared to cautiously navigate this nascent trajectory. The fundamental tenets of B. F. Porshnev's depiction of Pushkin are as follows. Pushkin is not just a contemporary figure, but also aligned with socialism. He enjoys popularity and possesses international appeal. Examination of his works is imperative. Previous interpretations of the poet were incorrect. Two themes predominate in Pushkin's work: the people as the creator of history and revolution. Pushkin is an implacable enemy of autocracy. The romantic idealization of revolution (rebellion), designed to subvert autocracy, is supplanted by disenchantment and the conviction that a triumphant revolution is viable in the West, where it was executed by the bourgeoisie, but impossible ("reckless") in Russia. Pushkin ascribed the failure of the Russian revolution to the resilience of autocracy and the incapacity of the fading nobility to foment a revolution. This explication of the reasons for the revolution's failure is deemed inaccurate. The actual cause, unbeknownst to the poet, is the absence of a proletariat in Russia.

Keywords

Boris Porshnev, Alexander Pushkin, Pushkin's anniversary of 1937, image, people, revolution

For citation

Kondratiev S. V., Kondratieva T. N. "And What about Pushkin?", or Unfulfilled Attempt of Boris Porshnev to Become a Scholar of Pushkin. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2024, vol. 23, no. 8: History, pp. 105–117. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-8-105-117

Первая часть заголовка нашей статьи позаимствована из написанного Андреем Битовым в 2007 г. к собственному юбилею текста под выразительным названием «От свиньи до свиньи, или О занятии не своим делом». Битов в нем дает ироничную самооценку своему исследованию пушкинской темы [Битов, 2007]. Цитата уместная, поскольку, хоть благодаря Аполлону Григорьеву с середины XIX в. известно, что «Пушкин – наше всё», но в политической и культурной жизни России вопрос «а как быть с Пушкиным?» время от времени ставится и даже вызывает споры. По этому вопросу шли острые дискуссии в 1920-х и в начале 1930-х гг., пока не были политически, по сути, разрешены к 1937 г. – году 100-летия со дня смерти поэта.

Именно в середине 1930-х гг. молодой историк Борис Федорович Поршневу (1905–1972) предпринимает попытку стать пушкинистом. Он собирает материал, пишет текст о творчестве Пушкина, стараясь, вероятно, внести, таким образом, свой вклад в памятные мероприятия и в формирующийся образ поэта.

Б. Ф. Поршневу известен прежде всего работами по французской и европейской истории, истории международных отношений, общественной мысли, политической экономии, исторической психологии, проблеме происхождения человека и палеопсихологии [Вите, Гордон, 2006, с. 181–200.]. На излете своей научной карьеры последнее он считал своей «основной специальностью» (Поршневу, 2007, с. 19). Нам уже приходилось писать, что знаменитый франковед рисовал себя в преклонном возрасте этакой цельной натурой, с юности осознающей высокое предназначение – создавать изначально объемные полотна и синтетические концепции. На самом деле историк был большим мифологизатором на свой счет, и нет никаких подтверждений этим его утверждениям [Кондратьева, 2012, с. 236–237]. Вся ранняя биография ученого, скрупулезно восстановленная нами, показывает, что его приход в науку, конечно, не был случайным, но вот выбор направления деятельности, профессиональная ориентация и ремесло во многом оказались делом случая и следствием обстоятельств [Кондратьев, Кондратьева, 2019б, с. 424]. Об этом же свидетельствуют его публикации 1920-х – середины 1930-х гг.: начиная от не входящей ни в один библиографический список статьи о НОУТ (Техники индивидуального умственного труда) (Поршневу, 1924, с. 50–59) до литературных обзоров [Кондратьев, Кондратьева, 2019а].

Опубликованные им тексты показывают, что он стремился следовать актуальной политической и идеологической конъюнктуре. Картина социального мира прошлого еще окончательно не сложилась и директивно не утвердилась. Б. Ф. Поршнев не был среди тех молодых историков, которые, как, например, инициатор дискуссии об азиатском способе производства С. М. Дубровский [Бокарев, 2017, с. 14–16], пробовали ее формировать. Господствующие в определенный момент политические и идеологические установки предопределяли расстановку акцентов в создаваемой им литературной и культурной продукции. Историк целесообразно действовал, как сказал бы Клиффорд Гирц, вслед за меняющимися идеологическими моделями [Гирц, 2004, с. 249–250]. А применяемый социологизаторский подход оказался универсальным, и он помогал Б. Ф. Поршневу быстро выполнять любую работу, не затрудняя себя глубиной анализа разнообразных по жанру, странам и языкам произведений. Собственно, этой модели он будет следовать всю жизнь, оставаясь по духу имплицитно верен инструментам школы М. Н. Покровского и историков-марксистов 1920-х гг. [Гордон, 2018, с. 185].

В июле 1935 г. Б. Ф. Поршнев увольняется из библиотеки им В. И. Ленина, где до этого работал, и переходит в Московское отделение Государственной академии истории материальной культуры (МО ГАИМК)¹. Возможно, там ему поручили заняться А. С. Пушкиным, образ которого по причине продекларированных новых политических установок монументализировался [Платт, 2017, с. 169–171]. Нельзя исключить, что он мог начать собирать материал по собственной инициативе, дабы застолбить тему «Пушкин как историк».

Несколько слов об образе А. С. Пушкина в СССР в 1920-х – начале 1930-х гг. После революции восприятие творчества А. С. Пушкина претерпело существенную эволюцию. Новая власть, как известно, литературу, среди прочих искусств, считала инструментом идеологического воздействия, а слово – оружием, которое, по Сталину, должно «воспитывать строителей социализма» [Левченко, 2007, с. 71]. Уже возникший в 1918 г. Пролеткульт претендовал на эту функцию, но у руководителей культуры от партии – А. В. Луначарского, А. А. Богданова, Ф. И. Калинина и др. – были слишком разные эстетические и идеологические взгляды [Там же, с. 14]. Революционная культура была полифонической, ее символическое поле только начинало формироваться. Звучали призывы отказаться от пушкинского наследия в пользу авангардного, революционного искусства. Сразу после революции В. В. Маяковский, предлагая «расстреливать старье», включал в него и А. С. Пушкина (Маяковский, 1956). Но победившая власть намеревалась «переоценивать» культуру прошлого, но не отказываться от нее (Луначарский, 1924, с. 19).

К середине 1920-х гг. с анархией Пролеткульта было покончено, хотя разногласия в культуре, как и в партии, еще не была преодолена. Но границы уже достаточно четко обозначились. Пушкинское наследие теперь следовало не отвергать, а использовать. В 1925 г. тогда начинающий, но чрезвычайно добросовестный исследователь Пушкина Б. В. Томашевский призывал «выдвинуть Пушкина в исторический процесс» и изучать творчество поэта «не как факт индивидуальный, а как факт социальный» [Мейлах, 1966, с. 132]. После 1924 г., т. е. после 125-летнего юбилея со дня рождения, А. С. Пушкин был признан вершиной российской словесности, которую пролетариату, тем не менее, следовало преодолеть [Платт, 2017, с. 167–170].

В 1930-е гг. утвердившаяся окончательно власть приступила к формированию единообразного культурного пространства, активно обращаясь к культурному капиталу прошлого. Фигура А. С. Пушкина оказалась весьма подходящей, и он быстро стал трансформироваться из консерватора, реакционера, сторонника чистого искусства в народного писателя и близкого трудящимся поэта, в творчестве которого можно найти мотивы, «роднящие его со сталинской эпохой» [Карпенко Г. Ю., Карпенко Л. Б., 2016, с. 74–75].

¹ Архив РАН. Ф. 1574. Оп. 4. Д. 90. Л. 4 об.

В 16 декабря 1935 г. Постановлением ВЦИК СССР был учрежден Всесоюзный Пушкинский комитет, который должен был подготовить комплекс мероприятий к 100-летию со дня смерти А. С. Пушкина. На следующий день передовица газеты «Правда» писала об А. С. Пушкине как о «великом русском поэте» [Depretto, 2008, p. 428–429]. Вероятно, памятную дату 1937 г. страна встретила с новым стереотипным образом поэта.

Именно в это время Б. Ф. Поршнев активно собирает материал и пытается написать текст к пушкинскому юбилею. В фонде Б. Ф. Поршнева в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ) хранятся две папки. Одна называется «Наброски и выписки к теме Пушкин». Она содержит твердые карточки и отдельные тетрадные листы, большинство из которых аккуратно исписаны фиолетовыми чернилами (иногда с двух сторон) под черком Б. Ф. Поршнева. На нескольких карточках наклеены вырезки из газет посвященные поэту. Общий объем папки 65 листов. Все представленные в папке выписки и комментарии Б. Ф. Поршнева имеют определенную логику, которая вполне могла бы превратиться в объемную публикацию².

Вторая папка, озаглавленная «Пиковая дама» (черновые материалы: мысли, выписки)», открывается несколькими исписанными карандашом с двух сторон листами, после которых идут пять простых ученических тетрадей в зеленных обложках. На обложке первой тетради выведено рукой историка «Пиковая дама» (черновые материалы: мысли, выписки)» П. Д. № 1. Каждая следующая тетрадь содержит характерный подзаголовок П. Д. № 2, П. Д. № 3, П. Д. № 4, П. Д. № 5. Листы в тетрадках, исписанные с обеих сторон синими (реже) и фиолетовыми (в основном) чернилами, содержат многочисленные вставки, правку и зачеркивания. В тетрадках встречаются редкие вложения, содержащие иногда карандашные вставки. Внутри тетради П. Д. № 2 есть законченный небольшой рукописный текст, очевидно готовившийся к публикации. Он содержит автограф Б. Ф. Поршнева. Общий объем папки 84 листа³.

Содержание обеих папок показывает, что Б. Ф. Поршнев пытался охватить, охарактеризовать А. С. Пушкина целиком и написать об этом, так сказать, генерализирующий текст. Но одновременно он, скрупулезно и методично собирая материал, пытался написать исследование о «Пиковой даме» в контексте общего развития России XIX в., т. е., следуя установкам, вписать в исторический процесс и показать как социальную фигуру.

В настоящей статье мы намерены остановиться на том вопросе, которым озаглавлена статья: «Как быть с Пушкиным?» Естественно, отвечать на него, мы будем по Поршневу. По вопросу «Как быть с “Пиковой дамой”?», мы намерены написать отдельную статью.

При написании данной работы мы привлекли также материалы из папки «Пиковая дама», поскольку содержащиеся в ней первые, исписанные карандашом, листы содержат ряд оценочных тезисов творчества поэта и рукописный текст готовой к публикации статьи. По материалам папки «Пиковая дама» можно определить время работы Б. Ф. Поршнева над пушкинской темой. Выписки совершенно точно относятся к 1934–1936 гг. Одна из выписок сделана на библиографической карточке, на которой значится: «Земляков Б. Ф. О послеледниковых колебаниях климата и их значении в археологии. Проб[лемы] ист[ории] докапиталистических обществ. 1934, № 4». Среди выписок упомянуты работы: С. Грес «Пиковая дама (критический очерк в диалогах)», опубликованная в журнале «Звезда», № 5 за 1935 г., А. Дерман «Пушкин и пушкинисты» (30 дней. 1935, № 5)⁴. Отсутствие более поздних выписок позволяет сделать вывод, что Б. Ф. Поршнев работал над «темой Пушкин» до знаменитых торжеств 1937 г.

Очевидно, что у Б. Ф. Поршнева сложилась композиция будущей публикации. Готовясь писать какую-то обобщающую статью для массового читателя, историк фиксирует для себя

² ОР РГБ. Ф. 684. К. 27. Д. 13.

³ Там же. Д. 12.

⁴ Там же. Л. 7, 39, 64.

набор общих положений, которые, вероятно, собирался в ней отразить и развернуть. Всего таких положений (во всяком случае столько сохранилось) 11⁵.

1. «Введение. Значение Пушкина вне современности. Пушкин – создатель русского литературного языка и основатель русской литературы. Гуманизм Пушкина и советский гуманизм. Оптимизм. Эпоха социализма открывает широчайший путь к усвоению лучшего из культурного наследия прошлого»⁶. «Реализм»⁷. Значение Пушкина для современности призваны были выразить две заготовленные цитаты, однозначно показывающие актуальность творчества поэта для социализма, его народность и даже интернационализм. Первая цитата принадлежала человеку как бы из гущи народа. По форме это оказывается газетная вырезка, где якобы простой красноармеец-казах Маулекеш Кайбалдин патетически благодарит революцию, мы бы сказали сегодня, за модернизацию жизни. «Оборванные, полуголодные красноармейцы», гнавшие «откормленных, брэнчащих шпорами офицеров <...> принесли в Казахстан симфонию Бетховена, стихи великого русского поэта Пушкина. И смуглые казахские джигиты, застенчивые девушки с жадностью начали изучать его бессмертные произведения, впервые переведенные на родной язык. Так пришел к нам Пушкин, так мы нашли его, а он нас». Революция, подчеркивается здесь же, превратила А. С. Пушкина в народного и даже интернационального поэта⁸. На поверку выясняется, что красноармеец не был совсем простым. Маулекеш Кайбалдин – реальное лицо. В 1930-х гг. он был начинающим и успешным писателем и драматургом. В 1941 г. в Казахстане была поставлена пьеса М. Кайбалдина и Ш. Хусаинова «Марабай». В том же году его включили в изданный в Москве «Сборник современной казахской литературы» [Кулахмет..., 2014, с. 123] (Кайбалдин, 1941, с. 353–370)⁹.

Следом приведена цитата из концовки длинного и содержательного предисловия А. В. Луначарского к Полному собранию сочинений А. С. Пушкина (1930), которое так и называлось «Александр Сергеевич Пушкин». Нарком просвещения, дабы осовременить поэта и подчеркнуть его актуальность «после грандиознейшей мировой революции», рассказал похожую на миф историю, которую воспроизвел Б. Ф. Поршнев. «Года три-четыре назад я гулял по парку в Остафьеве – бывшем имении Вяземских, где Пушкин часто бывал. Превосходный старый парк Вяземских украшен рядом памятников – Жуковскому, Карамзину, самому Вяземскому. Среди этих памятников есть небольшой памятник Пушкину, сделанный тем же скульптором, которому принадлежит монумент на Страстном бульваре.

В порядке экскурсии парк посетила небольшая группа комсомольцев: три-четыре парня, три-четыре девушки. Они с интересом ходили по музею, в который превращено жилье Вяземских, по парку и остановились перед памятником Пушкину.

Один из них наклонился (надпись стала несколько неразборчивой) и прочитал: «Здравствуй, племя младое, незнакомое».

Я стоял совсем неподалеку и был поражен необыкновенной уместностью, которую в этой обстановке приобрела надпись. По-видимому, поражены были и комсомольцы. Они как-то затихли и переглянулись между собой. Прямо к ним обратился великий голос из-за гроба.

⁵ ОР РГБ. Ф. 684. К. 27. Д. 12. Л. 1 – 6 об. Листы пронумерованы, но лежат вразнобой, поэтому нумерация листов и нумерация пунктов не совпадают.

⁶ Там же. Л. 1.

⁷ Там же. Д. 13. Л. 3.

⁸ Там же. Л. 1. К сожалению, нам не удалось идентифицировать газету.

⁹ Заметим, что поскольку Маулекеш Кайбалдин, призванный в начале Отечественной войны в армию, осенью 1941 г. попал в плен и затем был членом коллаборационистского «Туркестанского национального комитета», то найти о нем информацию не просто. Он был выпускником то ли МИФЛИ, то ли ЛИФЛИ, какое-то время одним из секретарей не знавшего грамоты Джамбула Джабаева, после войны жил в Германии, где закончил университет во Франкфурте-на-Майне, как будто, перевел на казахский «Фауста» Гёте, издал на немецком роман «Помощь из рая» и печатал на немецком языке стихи. Погиб в 1969 г. См.: <https://camonitor.kz/8352-.html>; <https://turkystan.kz/article/57850-t-rkistandy-tar-ashan-a-talady>; <https://adyrna.kz/post/73841?fbclid=IwAR1JpfZDJP4zTei13ZEP4yM9VutOU-yTgtERtAiY1r8MjSGan9tpf0VzmM> (дата обращения 23.01.2022).

Маленькая комсомолка в красном платочке подняла к Пушкину глаза, полные некоторой робости, удивления, но и дружелюбия, и негромко сказала:

– Здравствуй, Пушкин» (Луначарский, 1930)¹⁰.

2. Б. Ф. Поршнев, видимо, предполагал, что следует отмежеваться от некоторых оценок поэта, звучавших в 1920-е гг. А именно от следующих: «социологизаторского подхода к Пушкину как к певцу мелкопоместного дворянства. Легенде о Пушкине, как слугителе “чистого искусства”. Социологизаторы превращали общественные взгляды Пушкина в узко биографическую тему, формалисты – отвергали их значение»¹¹. Историк подчеркивает, что А. С. Пушкин верхи дворянства, свет, именовал чернью¹².

3. Творчество поэта «органически связано с его общественными взглядами». «Бессмертную основу его творчества» составляют идеи, «которые делали его непримиримым врагом самодержавно-крепостнической России»¹³.

4. «Высказывания Пушкина о “чистом искусстве” и “черни” представляли форму борьбы за независимость его взглядов от “общественного мнения”»¹⁴.

5. «Всю сумму общественных взглядов Пушкина можно разбить на два основных вопроса: вопрос о народе и его исторической роли и вопрос о революции»¹⁵.

6. «Связь между художественной стороной и общественно-политическими взглядами в творчестве Пушкина особенно ясно видна в связи с первым вопросом, вопросом о народе. Народность творчества Пушкина не является продуктом простой художественной интуиции, но вытекает из основ его общественного мировоззрения. В народе Пушкин видел конечную основу исторического процесса. Под народом он понимает непременно всё общество за вычетом господствующих классов»¹⁶. Его оценка народа «выше просветителей XVIII в. и выше большей части декабристов»¹⁷.

7. «Большой ряд произведений Пушкина связан с темой революции или шире – общественного протеста»¹⁸. Но в трактовке А. С. Пушкиным темы революции «нет той ясности и единства, как в вопросе о народе». В отношении поэта к революции Б. Ф. Поршнев выделяет три периода: «1-й – до крушения революционных попыток в Исп[ании], Порт[угалии], Ит[алии], т. е. практически до 1823 г.». В этот, «декабристский», период, было написано «множество революционных стихов и эпиграмм». 2-й – «до Фр[анцузской] рев[олюции] 1830 г. 3-й – 30-е гг.»¹⁹. Б. Ф. Поршнев полагает, что до поражения восстания декабристов и июльской революции 1830 г. во Франции А. С. Пушкин проявлял интерес к освободительному движению на Западе, был пропитан идеями просветителей и Французской революции XVIII в. («1) свобода человеческой личности, 2) законы, ограничивающие не подданных, но власть, 3) просвещение, 4) атеизм», а применительно к России и отмена крепостного права) и надеялся на свершение и победу революции в России. Но «наблюдения над декабристами, поражение декабристов полностью убеждают его в том, что революция в России – на наличной классовой базе, т. е. в том виде, в каком ее пытались произвести декабристы, – невозможна. В основе разочарования лежит объективно правильное наблюдение»²⁰.

8. «Вторая половина 20-х гг. – период раздвоенности, определенный главным образом тем, что Пушкину остается неясным: “безумна” ли всякая революция, или она только невозможна (“безумна”) в данных конкретных условиях в России. Субъективно Пушкин неизмен-

¹⁰ ОР РГБ. Ф. 684. К. 27. Д. 13. Л. 4 – 4 об.

¹¹ Там же. Д. 12. Л. 1.

¹² Там же. Д. 13. Л. 6–14.

¹³ Там же. Д. 12. Л. 1 об.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. Д. 13. Л. 16.

¹⁶ Там же. Д. 12. Л. 2.

¹⁷ Там же. Д. 13. Л. 18.

¹⁸ Там же. Д. 12. Л. 2.

¹⁹ Там же. Л. 2 – 2 об.; Д. 13. Л. 63–65.

²⁰ Там же. Д. 12. Л. 2 об.; Д. 13. Л. 22–27.

но на стороне революции, но ищет оправдания своего отхода от декабристов и объяснения их неудачи. Революция 1830 г. во Франции начинает третий период творчества Пушкина, т. к. разрешает вопрос: революция вообще возможна, и есть нечто, безусловно, положительное, но в России – это “безумие”²¹.

9. «Перед ним возникает двойная задача: 1) убедить свое по существу интернационалистическое, всечеловеческое, космополитическое сознание, выросшее и сформировавшееся в преклонении перед свободой и революцией, в том, что здесь, в России, должно отказаться от безнадежной борьбы и склониться перед самодержавием, 2) объяснить себе, почему же в России революция невозможна»²².

10. «Первая задача разрешилась длинным рядом произведений, объединенных общей темой: наказанный, фатально обреченный на поражение бунт, – хотя этот бунт почти всегда (кроме Полтавы) вызывает нескрываемое сочувствие автора. Действие всех этих произведений происходит в России. Напротив, в «Сценах из рыцарских времен» (т. е. в произведении про Западную Европу – авторы) бунт кончается полной победой»²³.

После поражения восстания декабристов А. С. Пушкин, разъясняет Б. Ф. Поршнев в другом месте, считал революцию в России невозможной. Для поэта наступает период «раздвоенности и противоречия». «Ни от одного из своих идеалов он не отказывается, по-прежнему бунтарь и вольнодумец в душе, – и в то же время понимает, что в данных конкретных условиях бороться против действительности – “безумие”». А. С. Пушкин якобы видит, что «в Европе <...> революция и возможна, и необходима, и приводит к торжеству прогрессивных идеалов; напротив, в России она, в силу конкретных причин историч[еского] развития, невозможна, обречена на поражение». Невозможна, поскольку основа творчества А. С. Пушкина – реализм. И поэт ясно осознает, что переворот в России пыталось совершить дворянство, т. е. отживающий и реакционный класс, но не буржуазия. Народ же безуспешно устраивает бунты и поднимает восстания²⁴.

11. В произведениях с описаниями бунта – «Борис Годунов», «Дубровский», «Капитанская дочка», «История Пугачева» и др. – «раскрывается одновременно и определенная общественно-историческая концепция, хотя нигде и не высказанная прямо. Вся совокупность исторических интересов Пушкина концентрируется вокруг этой единой концепции, вернее, попыток ее создать. Изучение французских историков эпохи Реставрации: Тьерри, Гизо – вырабатывает у него определенный взгляд на ход европейского общественного развития. “Сцены из рыцарских времен” – яркое изображение понимания Пушкиным классовой борьбы. Но Россия представляет собой исключение из этих общих правил. Однако Пушкин не ограничивается констатацией (как Чаадаев <...>), но ищет конкретных исторических причин в русской истории. Основной факт, который ему нужно объяснить, – почему революция в России оказалась в руках дворянства, а не буржуазии»²⁵.

Б. Ф. Поршнев поясняет: «Свободу, просвещение, борьбу с самовластием – представляют дворяне», которые не готовы, о чем свидетельствуют «Дубровский», «Капитанская дочка», «История Пугачева», соединиться с народом и возглавить народную революцию²⁶.

А. С. Пушкин, отмечает Б. Ф. Поршнев, не видел перспективы, не знал пролетариата и поэтому «величайшим усилием он заставил себя смириться перед самодержавием». Изучая восстание Пугачева, Пушкин одновременно занимался изучением «истории самодержавия <...> этой его всесильной мощи». Опять-таки не зная пролетариата, А. С. Пушкин не мог объяснить устойчивость режима и объявлял его «непобедимым». Поэтому, пишет Б. Ф. Поршнев, А. С. Пушкин показывал на символических примерах Евгения и Петра I в «Медном всадни-

²¹ ОР РГБ. Ф. 684. К. 27. Д. 12. Л. 2 об., 6 об.

²² Там же. Л. 6 об.

²³ Там же. Л. 6.

²⁴ Там же. Д. 13. Л. 29–41.

²⁵ Там же. Д. 12. Л. 5–6.

²⁶ Там же. Д. 13. Л. 29–41.

ке», Германа и графини в «Пиковой даме» и реалистическом примере пугачевского бунта, что бороться с самодержавием – это «безумие». Везде история заканчивается гибелью бунтарей²⁷.

Вместе с тем Б. Ф. Поршнев подчеркивает, что, не видя силы свергнуть самодержавие, А. С. Пушкин «не смирился и не сломался». «Он ни на секунду не отказался от своих общественных идеалов и революционной страсти. Отказаться – значило отказаться от основ своего творчества. Он только считал, что революция в данных, конкретных условиях в России невозможна»²⁸.

«Причину поражения революции в России Пушкин, – подчеркивает Б. Ф. Поршнев, – установил неправильно. Он не знал пролетариата и поэтому не мог дать научного анализа историч[еского] процесса. Отсутствие пролетариата – подлинная трагедия Пушкина»²⁹.

Подведем итог. Очевидно, Б. Ф. Поршнева интересовали «исторические основы»³⁰ пушкинского творчества и его основные темы. Вероятно, он, формулируя свои 11 тезисов и отвечая на вопрос «а как быть с Пушкиным?», следовал уже официально продекларированному стереотипному образу, быстро формирующемуся канону. Власть собиралась использовать культурный капитал прошлого, и историк аккуратно стремился двигаться по очерченной колее. Основные черты поршневыской конструкции пушкинского образа таковы. Пушкин не только современен, но близок социализму. Пушкин народен и интернационален. На его произведениях следует учиться. Предыдущие интерпретации поэта были неверны. В творчестве Пушкина доминируют две темы: народ как созидатель и творец истории и революция. Пушкин – непримиримый враг самодержавия. Романтическая вера в революцию (бунт), которая должна сломить самодержавие, сменяется разочарованием и уверенностью, что победоносная революция возможна на Западе, где ее делала буржуазия, но невозможна («безумна») в России. Пушкин видел причину поражения революции в России в том, что самодержавие устойчиво, а дворянство, уходящий класс, не способно революцию произвести. Такая трактовка причин поражения революции ошибочна. Подлинная причина, о чем не знал поэт, – в отсутствии в России пролетариата.

Наверное, текст, содержащий такие тезисы, к 1937 г. могли написать многие. И здесь поневоле приходится вернуться к заголовку Андрея Битова «От свиньи до свиньи, или О занятии не своим делом». Б. Ф. Поршнев, действительно, сочинял свои тезисы и статью, публикуемую ниже, не будучи профессиональным пушкинистом. Но, как известно, в первой половине 1930-х гг. вообще, за исключением 2-томного исследования репрессированного тогда же по «делу славистов» В. В. Виноградова, не было значительных произведений о творчестве Пушкина [Платт, 2017, с. 164–165]. Б. Ф. Поршнев хорошо знал эпоху и основательно собирал материал. Выписки к «Пиковой даме» показывают, что он проработал почти всю известную на тот момент пушкиниану³¹. Историк собрал основательную библиографию и выписки по экономике и социологии России XIX в., собираясь, очевидно, анализировать поэта в контексте социально-экономических процессов эпохи. Дело, думается, не в «занятии не своим делом», но в матрице, которой он искренне следовал. Она породила эти незамысловатые тезисы и незамысловатую статью. Вполне в духе времени, юбилейные, но почему-то неопубликованные.

Б. Ф. Поршневу, как мы писали выше, удалось написать небольшой текст, посвященный поэту, который, вероятно, предназначался к публикации. Ценность текста, как нам представляется, заключается в его стереотипности и клишированности. Первоначальное и нейтраль-

²⁷ ОР РГБ. Ф. 684. К. 27. Д. 13. Л. 42–46.

²⁸ Там же. Л. 52.

²⁹ Там же. Л. 5, 55.

³⁰ Там же. Л. 25.

³¹ Вся литературу о Пушкине проработать и учесть не специалисту, думается, было невозможно. По свидетельству Л. С. Гинзбурга, в первое послереволюционное десятилетие каждые 2–3 дня о Пушкине что-то печаталось [Гинзбург, 1928, с. 8].

ное название текста «Пушкин и история» было зачеркнуто Б. Ф. Поршневым и заменено более выразительным и политически правильным заголовком: «Пушкин – непримиримый враг самодержавно-крепостнической России».

Ниже мы публикуем это небольшое рукописное произведение, содержащее автограф Б. Ф. Поршнева. Документ публикуется впервые. Он не датирован. Исправления очевидных опечаток специально не оговариваются. Зачеркнутые и вымаранные автором места пропущены. Авторские вставки специально не оговариваются. Орфография приближена к современной.

Пушкин – непримиримый враг самодержавно-крепостнической России

Горе-литературоведы, социологизаторы, пытались лишить победившие трудящиеся классы СССР пушкинского наследия. Они пытались сделать это, превратив Пушкина всего лишь в певца определенного исторического класса, дворянства, ушедшего со сцены, превратив нашего великого писателя Пушкина в загробную тень, превратив его из великого поэта в археологический экспонат. Но Пушкин живет сегодня между нами и делает свое огромное дело в великом созидании социалистической культуры. Он остается и сейчас, в эпоху социализма, величайшим художником слова, у которого советские читатели продолжают учиться. Не правы те, кто думает, что общественное содержание творчества Пушкина для нас представляет лишь вышперечисленный интерес. Так думают формалисты.

Декаденты, модернисты, символисты в 90-х – 900-х гг. XIX в. сделали ругательными слова «гражданская поэзия», т. е. поэзия, открыто наполненная общественным содержанием. Эта постановка отражала гниение буржуазной культуры. Пушкин был подлинным «гражданским поэтом», и сам считал, что именно общественное содержание оставляет бессмертную основу его поэзии:

«И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я свободу
И милость к падшим призывал».

Вот почему надо изучать не только художественную сторону произведений Пушкина, но и неразрывно с ней связанные общественно-политические, т. е. в широком смысле слова исторические взгляды Пушкина. Вот почему Пушкина надо брать в органической связи с той исторической эпохой, когда он жил. Именно для того, чтобы Пушкин для нас «не ушел в историю», мы должны знать Пушкина как историки, и, следовательно, знать и самого поэта как историка.

Всё творчество Пушкина распадается на два периода. В первый период, он открыто воспевал «Вольность». Он писал в стихотворении «К Чаадаеву»:

«Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!
Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья,
Россия воспрянет от сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена».

Правительство Николая I в этот первый период справедливо видело в Пушкине революционера и в 1820 г. выслало его из Петербурга, а в 1824 г. сослало его в Михайловское. Пушкин был тесно связан с декабристами. После неудачи их восстания Пушкин в стихотворении «Арион» сравнивал себя с единственным пловцом, спасшимся от кораблекрушения.

Но уже до неудачи декабристов, под впечатлением неудач революционных попыток 1820-х годов в Испании, Италии, Греции, Португалии, – Пушкин начал сомневаться в возможности революции в России. После 1825 г. его творчество направляется в русло основной проблемы: хотя всякое возмущение против существующей власти и существующего порядка в самодержавной России обречено на поражение, «бессмысленно», – оно тем не менее закономерно и вызывает нескрываемое сочувствие автора. Характерно, что этой теме – наказанного покушения на власть – посвящены именно те крупнейшие произведения Пушкина, действия которых происходят на русской почве: «Борис Годунов», «Капитанская дочка», «История Пугачева», а также частично «Дубровский», «Медный всадник», «Полтава» и другие. Характерно также, что в единственном произведении из западной жизни, посвященной той же теме бунта, в «Сценах из рыцарских времен», восстание крестьян кончается не карой, но победой. Именно вокруг этой темы формировались основные исторические интересы Пушкина. А вопрос о причинах прочности власти в России, в свою очередь, привел его к специальному интересу Петром I и его эпохой.

Большое место в общественно-политических взглядах Пушкина занимает и проблема национальности и интернационализма. Он подходит к ней с разных сторон в «Кавказском пленнике», «Цыганах», «Арапе Петра Великого», «Калмычке» и др. Решение частично этой проблемы дано в словах:

«Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикий
Тунгус, и друг степей калмык».

Наконец, важнейшей стороной исторических воззрений Пушкина является его отношение к народу. Народ для Пушкина – это основная историческая и творческая сила в истории. Слова в конце «Бориса Годунова»: «народ безмолвствует» являются, в сущности, ключом к пониманию всей драмы. И в будущем подлинным носителем исторического развития Пушкин представлял себе только народ: «и долго буду тем любезен я народу...». Вот почему так глубоко народно всё творчество Пушкина. Без веры в гигантскую историческую миссию народа Пушкин никогда не связал бы так глубоко свое творчество с народным творчеством, с народной жизнью, с народным языком. Как Данте положил начало итальянской литературе благодаря тому, что впервые решился писать на народном итальянском языке, как Шекспир тем же путем положил начало английской литературе, так Пушкин, глубочайшим образом черпнув из народной русской культуры, положил начало русской литературе. И это не было делом бессознательной художественной интуиции, но делом глубокого убеждения.

Мы вправе сказать, что, не будь у Пушкина таких общественно-исторических взглядов, он никогда не был бы и таким великим художником.

Б. Поршнева (автограф)

*ОР РГБ. Ф. 684. К. 27. Д. 12. Л. 38–41
Рукопись, подлинник*

Список литературы

- Битов А.** Из цикла «Обнуление времени» // Звезда. 2007. № 7. URL: <https://zvezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=756> (дата обращения 23.01.2022).
- Бокарев Ю. П.** Формационная теория и экономическая история России. М.: Ин-т экономики, 2017. 45 с.
- Вите О. Т., Гордон А. В.** Борис Федорович Поршнева (1905–1972) // Новая и новейшая история. 2006. № 1. С. 181–200.

- Гинзбург Л. С.** Пушкиниана за годы революции (1917–1927) // Красная нива. 1928. № 7. С. 3–16.
- Гирц К.** Интерпретация культур. М.: РОССПЭН, 2004. 557 с.
- Гордон А. В.** Историки железного века. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 448 с.
- Карпенко Г. Ю., Карпенко Л. Б.** «Юбилейные» языковые клише о Пушкине, или Поэт на службе у государств // Вестник Самар. гос. ун-та. История, педагогика, филология. 2016. № 4. С. 72–79.
- Кондратьев С. В., Кондратьева Т. Н.** Борис Поршнев – несостоявшийся литературовед // Новый филологический вестник. 2019а. № 1 (48). С. 326–337. DOI 10.24411/2072-9316-2019-00026
- Кондратьев С. В., Кондратьева Т. Н.** Борис Поршнев во второй половине 1930-х гг.: от «Мемуаров» де Реца к Фронде и народным восстаниям // Французский ежегодник. 2019б. Т. 52, № 1. С. 423–439. DOI 10.32608/0235-4349-2020-1-53-257-292
- Кондратьева Т. Н.** К вопросу, изучал ли Борис Поршнев психологию в МГУ // Вестник Тюмен. гос. ун-та. 2012. № 9. С. 236–239.
- Кулахмет Ходжиков – первый художник Казахского театра и кино. Книга-альбом / Сост. Сауле Ходжикова. Астана: Фолиант, 2014. 320 с.
- Левченко М. А.** Индустриальная свирель: Поэзия Пролеткульта 1917–1921 гг. СПб.: СПГУТД, 2007. 141 с.
- Мейлах Б. С.** Основные этапы изучения Пушкина в советское время // Пушкин: Итоги и проблемы изучения. М.; Л., 1966. С. 125–148.
- Платт Д.** Здравствуй, Пушкин!: сталинская культурная политика и русский национальный поэт. СПб.: Изд-во Европейского ун-та, 2017. 352 с.
- Depretto С.** Марксизм гуманитариев: Пушкинистика во второй половине 1930-х годов // Russian Literature. 2008. Vol. 63, iss. 2–4. P. 427–442. DOI 10.1016/j.ruslit.2008.04.011

Список источников

- Кайбалдин Маулекеш.** Конский череп // Сборник современной казахской литературы. М., 1941. С. 353–370.
- Луначарский А. В.** Чем может быть А. П. Чехов для нас // Печать и революция. 1924. № 4. С. 19–34.
- Луначарский А. В.** Александр Сергеевич Пушкин (1930). Собрание сочинений. Т. 1. URL: <http://lunacharsky.newgod.su/lib/ss-tom-1/aleksandr-sergeevic-puskin-1930> (дата обращения 23.01.2022).
- Маяковский В. В.** Радоваться рано // Маяковский В. В. Стихотворения и пьесы 1917–1921. М., 1956. Т. 2. URL: <https://ruslit.traumlibrary.net/book/mayakovsky-pss13-02/mayakovsky-pss13-02.html#s002007> (дата обращения 23.01.2022).
- Поршнев Б.** Три плоскости НОУТ // Октябрь мысли. 1924. № 2. С. 50–59.
- Поршнев Б. Ф.** О начале человеческой истории (проблема палеопсихологии). СПб.: Алетейя, 2007. 720 с.

References

- Bitov A.** Iz tsikla “Obnulenie vremeni” [From the “Zeroing in on Time” Series]. *Zvezda [Star]*, 2007, no. 7. (in Russ.) URL: <https://zvezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=756> (accessed 23.01.2022).
- Bokarev Yu. P.** Formatsionnaya teoriya i ekonomicheskaya istoriya Rossii [Formation Theory and Economic History of Russia]. Moscow, Institute of Economics, 2017, 45 p. (in Russ.)

- Depretto C.** Marksizm gumanitariyev: pushkinistika vo vtoroi polovine 1930-kh godov [Marxism and Humanities: Pushkin Studies in the 2nd Half of the 1930s]. *Russian Literature*, 2008, vol. 63, iss. 2–4, pp. 427–442. (in Russ.)
- Ginzburg L. S.** Pushkiniana za gody revolyutsii (1917–1927) [Pushkiniana during the Years of the Revolution (1917–1927)]. *Krasnaya niva [Red Field]*, 1928, no. 7, pp. 3–16. (in Russ.)
- Girz K.** Interpretatsiya kul'tur [Interpretation of Cultures]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2004, 557 p. (in Russ.)
- Gordon A. V.** Istoriki zheleznogo veka [Historians of the Iron Age]. Moscow, St. Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2018, 448 p. (in Russ.)
- Hodzhikova Saule** (comp.). Kulahmet Khodzhikov – pervyi khudozhnik Kazakhskogo teatra i kino. Kniga-al'bom [Kulahmet Khodzhikov – the First Artist of Kazakh Theater and Cinema. Book – Album]. Astana, Foliant, 2014, 320 p. (in Russ.)
- Karpenko G. Yu., Karpenko L. B.** “Yubileinye” yazykovye klishe o Pushkine, ili Poet na sluzhbe u gosudarstva [“Jubilee” Language Cliches about Pushkin, or the Poet in the Service of State]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya [Vestnik of Samara University. History, Pedagogics, Philology]*, 2016, no. 4, pp. 72–79. (in Russ.)
- Kondratiev S. V., Kondratieva T. N.** Boris Porshnev – nesostoyavshiysya literaturoved [Boris Porshnev – Unfulfilled Literature Scholar]. *Novyi filologicheskii vestnik [New Philological Bulletin]*, 2019, no. 1 (48), pp. 326–337. (in Russ.) DOI 10.24411/2072-9316-2019-00026
- Kondratiev S. V., Kondratieva T. N.** Boris Porshnev vo vtoroi polovine 1930-kh gg.: ot “Memuarov” de Retsa k Fronde i narodnym vosstaniyam [Boris Porshnev in the 2nd Half of the 1930s: From the “Memoirs” of Retz to the Fronde and People Rebellions]. *Frantsuzskii ezhegodnik [Annual of French Studies]*, 2019, vol. 52, no. 1, pp. 429–433. (in Russ.) DOI 10.32608/0235-4349-2020-1-53-257-292
- Kondratieva T. N.** K voprosu, izuchal li Boris Porshnev psikhologiyu v MGU [On the Question of Whether Boris Porshnev Studied Psychology at Moscow State University]. *Vestnik Tumen'skogo gosudarstvennogo universiteta [Tyumen State University Herald]*, 2012, no. 9, pp. 236–239. (in Russ.)
- Levchenko M. A.** Industrial'naya svirel': Poeziya Proletkul'ta 1917–1921 gg. [Industrial Pipe: Poetry of the Proletariat 1917–1921]. St. Petersburg, 2007. 141 p. (in Russ.)
- Meilakh B. S.** Osnovnye etapy izucheniya Pushkina v sovetskoe vremya [The Main Stages of the Study of Pushkin in Soviet Times]. In: Pushkin: Itogi i problemy izucheniya [Pushkin: Results and Problems of Studying]. Moscow, Leningrad, 1966, pp. 125–148. (in Russ.)
- Platt D.** Zdravstvui, Pushkin!: stalinskaya kul'turnaya politika i russkii natsional'nyi poet [Greetings, Pushkin!: Stalinist Cultural Politics and the Russian National Bard]. St. Petersburg, European Uni. Press, 2017, 352 p. (in Russ.)
- Vite O. T., Gordon A. V.** Boris Fedorovich Porshnev (1905–1972). *Novaya i noveishaya istoriya [Modern and Contemporary History]*, 2006, no. 1, pp. 181–200. (in Russ.)

List of Sources

- Kaybaldin Maulekesh.** Konskii cherep [Horse Skull]. In: Sbornik sovremennoi kazakhskoi literatury [The Collection of Modern Kazakh Literature]. Moscow, 1941, pp. 353–370. (in Russ.)
- Lunacharsky A. V.** Chem mozhet byt' A. P. Chekhov dlya nas [What Can A. P. Chekhov Be for Us]. *Pechat' i revolyutsiya [Press and Revolution]*, 1924, no. 4, pp. 19–34. (in Russ.)
- Lunacharsky A. V.** Alexander Sergeevich Pushkin. Sobranie Sochinenii [Alexander Sergeevich Pushkin. Collected Works], 1930, vol. 1. (in Russ.) URL: <http://lunacharsky.newgod.su/lib/ss-tom-1/aleksandr-sergeevic-puskin-1930> (accessed 23.01.2022).
- Mayakovsky V. V.** Radovat'sya rano [It's Too Early to Rejoice]. In: Mayakovsky V. V. Stikhotvoreniya i p'esy 1917–1921 [Mayakovsky V. V. Poems and Plays 1917–1921]. Moscow,

1956, vol. 2. (in Russ.) URL: <https://ruslit.traumlibrary.net/book/mayakovsky-pss13-02/mayakovsky-pss13-02.html#s002007> (accessed 23.01.2022)

Porshnev B. Tri ploskosti NOUT [The Three Planes of the NOUT]. *Oktyabr' mysli* [October Thoughts], 1924, no. 2, pp. 50–59. (in Russ.)

Porshnev B. F. O nachale chelovecheskoi istorii. Problemy paleopsikhologii [On the Beginning of Human History. Problems of Paleopsychology]. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 2007, 720 p. (in Russ.)

Информация об авторах

Сергей Витальевич Кондратьев, доктор исторических наук, профессор

Scopus Author ID 57191985945

WoS Researcher ID N-8632-2016

Тамара Николаевна Кондратьева, кандидат исторических наук, доцент

Scopus Author ID 57193155302

WoS Researcher ID E-1266-2017

Information about the Authors

Sergey V. Kondratiev, Doctor of Sciences (History), Professor

Scopus Author ID 57191985945

WoS Researcher ID N-8632-2016

Tamara N. Kondratieva, Candidate of Sciences (History), Associate Professor

Scopus Author ID 57193155302

WoS Researcher ID E-1266-2017

Статья поступила в редакцию 22.11.2023;

одобрена после рецензирования 17.12.2023; принята к публикации 12.01.2024

The article was submitted on 22.11.2023;

approved after reviewing on 17.12.2023; accepted for publication on 12.01.2024